

К. К.
АРСЕНЬЕВ

Избранное

Константин Арсеньев
Марино Фальеро (Байрона)

«Public Domain»

1905

Арсеньев К. К.

Марино Фальеро (Байрона) / К. К. Арсеньев — «Public Domain», 1905

ISBN 978-5-457-36204-8

«Историческая трагедія» «Марино Фаліеро, дожъ Венеціи» была задумана Байрономъ въ 1817 г., когда онъ, при#хавъ въ Венецію, впервые увид#лъ залу сов#та во дворц# дожей съ чернымъ покрываломъ на томъ м#ст#, гд# долженъ былъ находиться портретъ казненнаго государя-заговорщика. Мысль, отодвинутая на время другими работами, получила осуществленіе только три года спустя, въ Равенн#. Начатая 4-го апр#ля трагедія была закончена 17-го іюля 1820 года...»
Произведение дается в дореформенном алфавите.

ISBN 978-5-457-36204-8

© Арсеньев К. К., 1905

© Public Domain, 1905

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Константин Константинович Арсеньев

Марино Фальеро

«Историческая трагедия» «Марино Фальеро, дож Венеции» была задумана Байроном в 1817 г., когда он, приехав в Венецию, впервые увидел зал совета во дворце дожей с черным покрывалом на том месте, где должен был находиться портрет казнёного государя-заговорщика. Мысль, отодвинутая на время другими работами, получила осуществление только три года спустя, в Равенне. Начатая 4-го апреля трагедия была закончена 17-го июля 1820 года. В начале 1821 года она была поставлена без согласия и вопреки желанию автора на сцене лондонского Дрюриленского театра. Успеха она не имела; неблагоприятны были и отзывы о ней в тогдашних газетах и журналах. Реакция в её пользу началась сравнительно недавно; но уже Гете, которому Байрон намечался посвятить свою трагедию, удивлялся яркости местного и национального колорита и считал возможной обработку её для сцены. Опыт такой обработки, не особенно удачный, был сделан гораздо позднее известной мейнингенской труппой.

В предисловии к «Марино Фальеро» Байрон указывает источники, по которым он изучал избранную им тему. Некоторые из них, судя по новейшим исследованиям, не во всем и не вполне достоверны; но основные факты, на которых построена трагедия, не возбуждают серьёзных сомнений. Верно в главных чертах воспроизведено прошедшее дожа, мотивы, побуждающие его примкнуть к восстанию; согласно с истиной изображена судьба заговора и заговорщиков. Название «исторической» поэтому дано трагедии по праву. Безусловной точности деталей от художественного произведения, переносящего нас в далекое прошлое, требовать нельзя: вполне достаточно, если оно *правдоподобно*, если оно не нарушает в общем и целом исторической перспективы. Не страдает трагедия Байрона и от того, что он решился соблюсти одно из псевдоклассических единств — единство времени. События, проходящие перед нами, могли совершиться в течение одних суток. Фальеро мог примкнуть к заговору под непосредственным впечатлением снисходительного приговора, постановленного над Стено; Бертуччио, получив неожиданного союзника в лице дожа, мог или, лучше сказать, должен был ускорить введение его в среду заговорщиков; заговорщики, заручившись могущественной поддержкой и сознавая опасность медленности, могли поспешить переходом к действию, для которого все было подготовлено заранее; совет десяти, зная о враждебном настроении народной массы, мог признать неотложной казнь главных виновных. Что Байрон вовсе не считал себя связанным требованиями традиции, о чём свидетельствует свобода, с которой он отнесся к единству места, несколько раз нарушаемому в трагедии. И это вполне понятно: заключив действие в пределы дворца, автор был бы вынужден отказаться от таких капитальных сцен, как разговор дожа и Бертуччио у церкви С. Джованни Паоло, как появление их среди заговорщиков, как монолог Лиони, прерываемый приходом Бертрама. Не говорим о единстве действия, наименее условном и искусственном из «трех единств»: если оно соблюдено в «Марино Фальеро», то это объясняется самым замыслом пьесы, интерес которой сосредоточивается почти всецело на её главном герое.

Не помешало ли, однако, стремление Байрона к единству времени обрисовке характера Фальеро, скрыв от нас его постепенное развитие? Так думает один из новейших биографов Байрона, Аккерманн, упуская из виду, что момент кризиса часто отражает в себе, точно в зеркале, всего человека, каким предстает ему предшествующая жизнь. Очень не велик промежуток времени, отделяющий первую сцену «Пикколomini» от последней сцены «Смерти Валленштейна», но разве вследствие этого остается что-либо не доделанным в образе Шиллеровского героя? Разве действие, производимое «Ипполитом» Еври-

пида или «Федрой» Расина, уменьшается отъ того, что мы не видимъ зарожденія и роста страсти, а застаемъ ее въ полномъ разгар#?.. Съ большимъ искусствомъ показаль намъ Байронъ, что искра недов#рїя и вражды къ господствующей олигархіи теплилась въ Фаліеро издавна, задолго до тенденціознаго р#шенія по д#лу Стено, раздувшаго ее въ пожирающее пламя¹.

Или ты
Не знаешь д#ль Венеці? Но знаешь
Сов#та Сорока?

спрашиваетъ онъ своего племянника, выражающаго, до объявленія приговора, надежду на справедливость судей (I, 2).

---

¹ Фаліеро говоритъ предъ судомъ:
а мой былъ переполненъ.

ПожаръРождается отъ искры: капля можетъПролить сосудъ,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.